

УДК 821.161.1.0

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195

ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ «КИТАЙСКОГО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ В. КУЧЕРЯВКИНА «ДО ЯНДЖОУ ТЫСЯЧА ЛИ»

Цзоу Синь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Одним из свидетельств творческого интереса современных русских поэтов к картине мира и системе ценностей, созданным дальневосточной культурой, является лирический цикл В. И. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» (начало 1990-х); в предлагаемой статье анализируются некоторые «китайские» образы и мотивы этого цикла.

Мы выявляем в цикле «До Янджоу тысяча ли» как символы, восходящие к классической китайской поэзии (например, образ бабочки), так и реалии, связанные с бытом, в том числе современным (названия предметов одежды, игр, крепких напитков и т. д.).

Подробнее, чем в статьях наших предшественников — литературных критиков, обсуждается то, как именно поэт использует «китайские» реалии, имея в виду при этом не настоящий Китай, а русскую жизнь 1980–1990-х гг., Ленинград / Петербург, и в частности драматические события лета 1991 г. При этом — несмотря на очевидные огромные различия между Китаем и Россией — поэт (как мы предположили, пользуясь возможностью посмотреть на русские стихи «с китайской стороны») находит общее между Петербургом и двумя китайскими городами, прямо названными в цикле: Янчжоу, поэтический двойник Петербурга у Кучерявкина, — богатый город у реки, и судьба этого города в иные эпохи определяла судьбу страны; слова о «блокаде Чанджоу» в стихах Кучерявкина заставляют читателя вспомнить блокаду Ленинграда.

Таким образом, близкое, хорошо знакомое (Петербург, Россия) изображается Кучерявкиным через незнакомое и далекое (Янчжоу, Чанджоу, Китай) — и этот семантический прием можно признать определяющим поэтику цикла. Для цикла характерно смешение примет разных культур, соседство лексем, восходящих к разным языкам. «Китайское» здесь не только указывает на «русское», но и соседствует с «античным» (имена китайских божеств могут присутствовать в стихотворении, написанном гекзаметром); «китайское», таким образом, отождествляется с «деревенским», идиллическим, простым и скромным; такое понимание китайского, возможно, соотносится с представлениями о китайской философии.

Иногда стилистический гротеск производит впечатление намеренной шутки: в цикле Кучерявкина можно увидеть, в частности, шуточный ответ на созданное несколько ранее «Китайское путешествие» (1986) О. Седаковой, писавшей о подлинном Китае и гармонично соединявшей «китайское» и «европейское». Такая интерпретация позволяет нам обнаружить принципиальные различия характера и смысла обращения к китайским мотивам и образам в разных современных индивидуальных поэтических системах.

Ключевые слова: В. И. Кучерявкин; «До Янджоу тысяча ли»; О. А. Седакова; русская поэзия 1980–1990 х гг.; рецепция китайской культуры в России.

Цитирование: Цзоу Синь. Формы присутствия и художественный смысл «китайского» в поэтическом цикле В. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 181–195. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195.

Forms and Meaning of “Chinese” Details and Symbols in Vladimir Kucheryavkin’s Poetic Cycle “*It’s A Thousand Li to Yangzhou*”

Zou Xin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir Kucheryavkin’s lyrical cycle “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*” (written in the early 1990s) is an interesting manifestation of contemporary Russian poets’ creative interest in the cultures of the Far East (and specifically the Chinese culture), which until now has not been sufficiently appreciated and interpreted as such. In the cycle “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*,” the author identifies both symbols that go back to classical Chinese poetry (e.g., the image of a butterfly) and details embodied in everyday life (clothes, games, strong drinks, etc.) and provides a detailed discussion of how the poet uses “Chinese” details, referring not to the real China, but to Russian life in the 1980–90s, Leningrad (or St. Petersburg), and, in particular, to the dramatic events of August, 1991. Leaning on their own Chinese perspective, the author suggests that, despite the obvious huge differences between China and Russia, the poet finds common traits between Petersburg and the two Chinese cities explicitly named in the cycle. Yangzhou, Kucheryavkin’s poetic double of Petersburg, is a rich city by the river, whose fate has often determined the fate of the country, and even the words about the “siege of Changzhou” in Kucheryavkin’s poems make the reader recall the siege of Leningrad during WWII. Thus, we conclude that the close and familiar (i.e., St. Petersburg, Russia) is portrayed by Kucheryavkin through the unfamiliar and distant (Yangzhou, Changzhou, China), and this semantic technique can be recognised as that which defines the poetics of the cycle. The cycle is characterised by a mixture of signs of different cultures and the juxtaposition of lexemes derived from different languages. “Chinese” details here not only point to things Russian, but are also mixed with signs of Antiquity (e.g., the names of Chinese deities may be present in a poem written in classical Greek hexameter). “Chinese” often means “rustic”, idyllic, simple and modest; such an understanding of Chinese may correspond to European perception of Chinese philosophy. Sometimes the stylistic grotesque gives the impression of a deliberate joke, and the author suggests that in Kucheryavkin’s cycle one can see, among other things, a humorous response to “*The Chinese Journey*,” written a little earlier (1986) by the Russian poet Olga Sedakova, who harmoniously combines “Chinese” and “European” and tries to depict the authentic China. The author concludes by outlining fundamental differences in usage and meaning of Chinese motifs and images in different modern poetic systems.

Ключевые слова: Vladimir Kucheryavkin; “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*”; Olga Sedakova; Russian poetry of the 1980s-1990s; reception of Chinese culture in Russia.

Citation: Zou Xin. (2024). Forms and Meaning of “Chinese” Details and Symbols in Vladimir Kucheryavkin’s Poetic Cycle “*It’s A Thousand Li to Yangzhou*”. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 181–195. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195.

1. Введение

Как известно, китайская культура не позднее XVIII века начала привлекать внимание европейцев, вызывая исследовательский интерес, порождая подражания, оказывая влияние на европейскую, в том числе и на русскую, философскую мысль и искусство.

Традиционная китайская образность и использование художественных приемов классической китайской поэзии заметны в оригинальном творчестве русских переводчиков с китайского — например, у А. И. Гитовича (1909–1966), который прямо называл некоторые свои стихи «подражанием китайскому» (Гитович 1978). «Китайское» начало заметно для носителей китайской культуры также в книге «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине» еще одного известного переводчика, Л. Е. Черкасского (1925–2003) (Лю Чжицян, Ван Фэн 2020).

Сравнительно хорошо изучены восточные, и в частности китайские, стилизации в русской культуре эпохи модерна (в том числе позднего), среди которых особенно выделяется поэтический цикл Н. Гумилева «Фарфоровый павильон» (1918) (см., напр.: [Осьминина 2017, 2020; Цзя Юннин 2019; Коваленко; Пороль 2021 и др.]).

В последние десятилетия восприятие Китая становится все более широким, и присутствие «китайского начала» в русской литературе, в поэзии в частности, можно оценивать как значимое явление. Это проявляется в распространении китайского языка, и во все возрастающем числе переводов, в том числе и самой современной поэзии, и в использовании художественных приемов, маркированных как «китайские», и в формировании образа Китая как предмета изображения, и в обращении русских поэтов к традиционной китайской символике и к идеям китайской философии. Контакты между русскими и китайскими литераторами-ровесниками стали в последние годы более живыми и непосредственными, в том числе и по техническим причинам, — мы можем не только знакомиться с публикуемыми антологиями, монографиями и пр., но и присутствовать на русско-китайских поэтических встречах с синхронным переводом, слушать диалог русских и китайских поэтов. Как можно было ожидать, отражение и использование образов китайской культуры в современной русской поэзии изучаются (см., напр.: [Медведева 2008; Хабибуллина 2013]), однако предметом преимущественного внимания становятся пока отдельные авторы и тексты, чаще всего «Китайское путешествие» (1986) О. Седаковой, назвавшей Китай «общей европейской темой» (цит. по: [Бавильский 2003]; о «Китайском путешествии» (см., напр.: [Жолковский 2009; Черныш 2016; Хабибуллина 2021] и др.). В последние годы, однако, появился ряд статей Е. И. Зейферт, обращаясь к разным современным русским поэтам, вступающим в диалог с китайской культурой, и эти статьи можно считать началом основательной разработки темы

(Зейферт 2018a, 2018b, 2019a, 2019b, 2020, 2021; Zeifert 2019). Основное внимание этого исследователя привлекает организация художественного пространства в лирике, соотносимая и самой исследовательницей, и некоторыми из ее героев с особенностями перспективы в традиционном китайском изобразительном искусстве; мы же займемся другим: тем, как в современной русской поэзии используются китайские реалии и традиционные символические образы.

2. Характеристика материала и методов исследования

Непосредственным объектом нашего исследования является лирический цикл петербургского поэта Владимира Ивановича Кучерявкина с выразительным названием «До Янджоу тысяча ли», написанный в 1990-х гг. и вошедший в одноименный сборник 2018 г. под обложкой с изображением разноцветного дракона.

Поэт и переводчик В. И. Кучерявкин родился в 1948 г. в Калининграде, в 1977 г. окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета.

Присутствие «китайского» в творчестве Кучерявкина отмечалось в критике (еще до появления книги 2018 г.) и довольно высоко оценивалось как художественный прием, хотя, на наш взгляд, пока не анализировалось достаточно подробно. М. Хабибуллина писала о Кучерявкине: «Поэтическая свобода, ироничность и изобретательность (нередко парадоксальная) Кучерявкина позволяет по-новому осмыслить богатство культурных традиций и возможности их взаимодействия» (Хабибуллина 2013: 226). Однако, насколько нам известно, исследователи, отмечавшие «китайское» в лирике Кучерявкина, не комментировали тот смысл, который символы и образы, используемые русским поэтом, имеют в китайской культуре. Научную новизну нашей работы мы видим в создании такого комментария, который позволит увидеть, оценить, как именно русский поэт работает с китайской символикой, используя ее в своих художественных целях и неизбежно трансформируя.

Наша гипотеза состоит в том, что Кучерявкин при помощи маркированно «китайских» (а иногда и «японских») лексем, образов и некоторых художественных приемов изображает современную русскую жизнь, и это предполагает, конечно, существенную трансформацию традиционной китайской символики.

Методология нашей работы определена преимущественным вниманием к художественному смыслу использования «китайских» деталей и символов в анализируемых стихах, тем, что основной предмет предлагаемого исследования — поэтика Кучерявкина. Пониманию художественного смысла должно предшествовать, разумеется, буквальное понимание упоминаемых реалий, топонимов и пр., поэтому мы позволили себе, опираясь на наши представления о китайской

культуре и истории, предложить некоторый реальный комментарий (например, говоря о том, почему определенные китайские города выступают у Кучерявкина поэтическими двойниками Ленинграда / Петербурга).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Кучерявкин так определил свою связь с Китаем: «Я слушаю Китай, как дальний родич» (Кучерявкин 2001: 173).

В современных работах о творчестве Кучерявкина уже констатировались такие важные черты его поэтики, как «гротеск и сюрреалистическая образность» (Панина 2012: 195). «Китайские» символы и реалии в значительной степени также входят в состав гротескной картины мира и при этом накладываются в стихах Кучерявкина не просто на «общечеловеческое», «европейское» или даже обобщенно «русское», но на узнаваемое петербургское. Кроме Ленинграда / Петербурга в стихах Кучерявкина детализированно и узнаваемо изображается — и тоже заgrimированная «под Китай» — любимая псковская деревня поэта, в которой он живет летом. «Китайское» таким образом сближается с «деревенским», и, в частности, это мотивируется «философским» требованием простоты и скромности жизни:

*Когда голова разбежалась куда-то,
Ушами приветливо в небе махая,
Я знаю: то кайф подошёл бородастый,
Призывно виляя хвостом малахая.*

*Трамвай запылённый забухал по рельсам,
Где горько глядит пассажир на меня,
Развесив кудлатые, нервные пейсы
На фоне встающего сумрачно дня.*

*И здесь, за хребтами Тянь-Шаня, в долине
Конфуций копает весной огород.
Летает по воздуху ловко мотыга.
И песни спивает счастливый народ.*

*А каллиграф ползабытого княжества У
Бабочкой лёгкой блаженно порхнул на траву.*

(Кучерявкин 2018: 9–10).

Кучерявкин хорошо знает дальневосточную культуру, но это не мешает ему воображать Конфуция в роли, более свойственной римскому поэту Горацию,

и даже — здесь стилистический контраст особенно резкий — вводить в «китайско-русский» текст украинизм *спивает* («украинское», «малороссийское» или южнорусское здесь ассоциируется с сельским), еврейские пейсы и *кайф*, который, вполне возможно, для автора еще сохраняет свою ассоциативную связь не с Дальним, а с арабским Ближним Востоком; в стихах сосуществуют черты и явления, принадлежащие разным историческим эпохам: рельсы трамвая и Конфуций.

В «Китайском путешествии» О. Седаковой (Седакова 2001), написанном ненамного раньше, чем «До Янджоу тысяча ли» (в 1986 г.), Китай был представлен совсем иначе: во-первых, Седакова, побывавшая в Китае и сохранившая о нем добрую память, не только использует китайскую символику и разделяет некоторые даосские идеи, но и изображает (вспоминает) подлинный Китай; во-вторых, русское (европейское) и китайское в ее стихах, как было отмечено в предыдущих статьях, не сталкиваются, а сливаются совершенно гармонически (см. об этом произведении, напр.: [Черныш 2016; Хабибуллина 2021; Цзоу Синь 2023]). Учитывая большую известность Седаковой в творческих кругах (и даже, рискуем сказать, ее подавляющий авторитет), довольно небольшой временной зазор между появлением «Китайского путешествия» и цикла Кучерявкина, а также очень заметные различия в способах обращения к «китайскому» в произведениях Седаковой и Кучерявкина, позволим себе предположить, что «До Янджоу тысяча ли» является, помимо прочего, еще и ироническим (или по крайней мере шутливым) ответом на очень серьезные стихи Седаковой. «Китайское» у поэта 1990-х гг., в отличие от того, что мы видели в творчестве Седаковой, может приобретать характер комической мистификации.

В приведенном выше стихотворении Кучерявкина заметна еще одна художественная функция введения «китайского»: как видно уже по первой строке, семантика здесь непростая, сочетания слов необычны («голова разбежалась» и т. п.). «Китайское» как экзотическое, чужое, заведомо непонятное является одной из внешних примет этой семантической сложности, как бы оправдывает, мотивирует ее.

Справедливости ради признаем, что китайская символическая образность может появляться в стихах Кучерявкина и без всяких иронических трансформаций и семантического гротеска. Так происходит, например, в лирическом финале приведенного выше стихотворения, в финале, в котором, видимо, едущий из Петербурга измученный горожанин достигает наконец своей цели — не названной прямо деревни Усть-Волмы:

*А каллиграф ползабытого княжества У
Бабочкой лёгкой блаженно порхнул на траву.*

(Кучерявкин 2018: 10)

Символика очень распространенного в китайской поэзии всех времен образа бабочки связана с представлениями о жизненной силе, свободе и красоте (понятно, что этот символический образ встречается не только в китайской литературе; см.: [Pang Huan 2015; Мартынова, Слипецкая 2021] и др). Вот характерный случай использования образа бабочки в классическом древнекитайском стихотворении, у Ду Фу (перевод Н. Азаровой):

*к домику тётушки хуан сы
тропинка полна цветами
бутонов тяжестью тысячи тысяч
ветки на землю легли
бабочек здесь безотрывна игра
постоянен прерывистый танец
в изнеженной взвеси как-раз зазвучит
свободной иволги крик*

(Ду Фу 2012: 90)

Название цикла начала 1990-х гг., давшего название книге 2018 г., вряд ли можно трактовать буквально. Как известно, *ли* (里) представляет собой единицу длины, один ли равен 500 метрам. Если Янчжоу (реально существующий и даже знаменитый китайский город) можно соотнести с Ленинградом / Петербургом, то от идиллической деревни Усть-Волма под Новгородом до него все-таки не 500 километров, а в два раза меньше... Тысяча ли — значит, видимо, просто «очень далеко»; название цикла и книги задает, таким образом, на китайский манер границы пространства лирического мира, указывает на два важных для лирического героя места: большой город, где происходят опасные события, и деревню, от которой до большого города «очень далеко».

Некоторые черты при этом все же сближают реальный Петербург и Янчжоу: так, Янчжоу, стоящий на Янцзы, пользуется, как и Северная Венеция — Петербург, славой города, богатого водой. В истории своей страны Янчжоу, как и Петербург, играл важную, определяющую роль (принято считать, что по Янчжоу, месту процветания и упадка, можно узнать судьбу страны (Qian Mu 1997: 14).

Кучерявкин запомнил этот топоним, скорее всего, потому, что древний город нередко упоминается в классической китайской поэзии. Так, Ли Бо в стихотворении «У башни Желтого журавля провожаю Мэн Хаожаня» (黄鹤楼送孟浩然之广陵) писал: «Когда я расстался со старым другом на башне Журавлиной, в марте сквозь дымку лепестков мой друг отправился в город Янджоу» (故人西辞黄鹤楼，烟花三月下扬州。) (Китайский поэт Золотого века 2011: 35).

Янчжоу всегда был политическим, экономическим и культурным центром юго-восточного побережья, и это определило многие драматические эпизоды

в его истории. Отношения между северной и южной частями Китая либо способствовали, либо препятствовали его процветанию. В XII веке война дважды разрушала город; поэт Синь Цицзи (1140–1207) писал: «Сорок три года прошло, а я все вспоминаю пожар, когда еду в Янчжоу». В мае 1645 г. цинская армия за неделю с небольшим убила 800 тыс. жителей Янчжоу, весь город представлял собой реки крови и горы трупов (об этом подробно рассказано в книге Ван Сюйчу «Дневник десяти дней Янджоу»).

Вот что говорит петербургский поэт о большом городе своего мира:

*И в глазах у них бродит тоскливых кровавый Янджоу
О, Янджоу мой, Янджоу, неужто совсем ты, совсем провалился в
болото¹?*

(«После путча (день второй)»
[Кучерявкин 2018: 42])

*Радио брешет про тигров на улицах моего Янджоу,
Да про бунтующих граждан, ударивших в леса от закона.
«Ветер по травам задул. Облака появились на небе...»
И на глазах Янджоу опять становился,
Бабочки череп пустой с раскрытыми в небо зубами*

(«19 августа (тряся головой)»
[Кучерявкин 2018: 38])

*Июль настал в Янджоу, слышь, едрит-то.
Ни водки выпить, ни вина, братцы.*

(«Скрипит будильник на столе сердитый...»
[Кучерявкин 2018: 32])

Кучерявкин описывает драматические политические события в России 1991 г. как события в Китае. Можно осторожно предположить, что здесь «китайское» означает политически архаичное и жестокое (такая семантика у «Китая», «китайского» в русской культуре, особенно XIX века, присутствовала; отсюда, например, слово «китайщина» с его пейоративной коннотацией); можно, опасаясь упрощений, ограничиться предположением, что изображение своего (русского) как чужого и экзотического обеспечивает потрясенному наблюдателю некоторую психологическую дистанцию между собой и происходящим, позволяет «остранить» это происходящее. В русской культуре прошлого, особенно

¹ Заметим эту отчетливо петербургскую деталь ландшафта, — понятно, конечно, что здесь образ «болота» имеет символический смысл.

в XIX веке, Китаю в целом нередко приписывались устойчивые и единые характеристики («китайский застой» и пр.), но в XX и тем более XXI веке Китай такими простыми определениями исчерпан быть не может: если Янчжоу у Кучерявкина «кровавый», то «китайская» деревня у Кучерявкина — мирная и мудрая.

Иллюзия Китая создается, в частности, введением в текст определенных слов: это не только *дацзыбао* (не требующее пояснений после событий «культурной революции»), но и более экзотически звучащие для русского читателя *мацзян* (азартная игра), *байцзю* (крепкий напиток, близкий к водке) и загадочные *тёгони* (финны?):

*...Талдычит бессонное радио про мацзян
возле храма
Там мандарины шальные кому-то грозят,
Крыс гоняя по кабинетам, стучат по столам дацзыбао,
Да мандарин Лу Чи Ян трясёт перед носом прокушенным
пальцем.
Зреет в туманах моя кукуруза на призрачной грядке.
Хижины глухо закрыты. Но там, за туманом, тёгони
в лесу
собрались, на кордоне.
Лысину потирают, снимут штаны и наденут,
байцзю
разливают по чашкам,
И в глазах у них бродит тоскливых кровавый Янджоу...*

(Кучерявкин 2018: 42)

Примеров использования китайских лексем и обращения к китайским реалиям в творчестве Кучерявкина немало. Приведем еще один: в стихотворении «Продаю картины»¹ появляется слово *пао*, обозначающее халат, один из важных видов китайской традиционной одежды (袍):

*Встану утром и попрыгал,
Задирая пао... Но
Мимо бегают вприпрыжку
Тожё тени, как в кино.*

(Кучерявкин 2018: 9)

¹ Обратим внимание на крайне необычное для русской поэтической традиции и, напротив, весьма распространенное в русских переводах китайской лирики употребление в названии глагола в форме первого лица единственного числа настоящего времени. Об этой характерной для поэзии Кучерявкина разных лет «китайской» формальной особенности сейчас пишет наш коллега Сью Шуан.

Хотя лексемы здесь китайские, сами явления и вещи, которые ими обозначены, вполне присутствуют в русской, петербургской жизни начала 1990-х гг.

Ленинград / Петербург ассоциируется в стихах Кучерявкина не только с Янчжоу, но и с другим китайским городом, история которого также отмечена драматическими событиями, — Чанджоу:

*Китайский рабочий проходит вперёд
И мне улыбается мудро.
И я по бульварам вприпрыжку бегу,
Чуть только проклюнется утро.*

*Я в очередь встану за колбасой,
И скажет старушка с авоськой:
Ты прежде блокаду Чанджоу переживи,
А потом улыбайся зубами.*

(Кучерявкин 2018: 20)

Блокада Чанджоу (常州之战) произошла в 1275 г.; город был захвачен, а его защитники убиты. Понятно, что в русских стихах, тем более написанных петербуржцем, слово «блокада» вызывает в памяти прежде всего блокаду Ленинграда.

Обращение к китайской культуре в европейской литературе почти непременно предполагает обращение к идеям восточной религиозной философии, известной в Европе, возможно, уже в конце XVIII века, приобретшей большую популярность на Западе в XX веке и сохраняющей эту популярность и в XXI веке. Уже показывалось, что идеи даосизма имеют очень большое значение для картины мира в «Китайском путешествии» Седаковой (см. об этом, напр.: [Цзоу Синь 2023]). Поскольку некоторые идеи дао воспринимаются Седаковой очень сочувственно (хотя и, разумеется, как уже отмечали исследователи, лишь в той степени, в какой они не противоречат христианству), то в «Китайском путешествии» практически отсутствует специальная терминология, связанные с этими важными представлениями об устройстве мира «специально китайские» слова: такие слова, требуя комментария, разрушали бы пафос стихотворения и, что еще существеннее, лишали бы обозначаемые «странными словами» представления их общечеловеческого значения, в котором Седакова уверена.

В иронической лирике Кучерявкина, напротив, присутствуют имена существ из языческого китайского пантеона (по мнению синологов, не всегда поддающиеся точному объяснению). Например, в стихотворении «Вот и вечер настал потихоньку. Садится игривое...» поэт возлагает надежду на Верховного Владыку — Шан-ди:

*Тучки идут потихоньку, всё с севера тянутся. Даст Шан-ди,
к ясной погоде.*

*Быстро созреют мои огурцы-помидоры, только б дожди
не посыпались сверху.*

*Вот сижу у окна и с надеждою в небо гляжу, облака
где меняют фигуры.*

*Ветер стихает, ложатся под окнами пёстрые тени,
мошки играют.*

(Кучерявкин 2018: 36)

«Даст Шан-ди» — это, конечно, аналог русского «даст Бог», хотя в религиозном отношении и не вполне точный. Можно предположить, что употребление этого «языческого» словесного оборота, несколько не свидетельствующее об увлечении поэта языческими представлениями, позволяет здесь не упоминать имени Божия всуе. Может быть и то, что именование языческого божества представляется поэту более уместным в стихах о самых простых, материальных, первобытных ценностях: поэт молится о хорошем урожае (*Быстро созреют мои огурцы-помидоры*). Заметим, что «патриархально-языческая» окраска этого стихотворения поддерживается и выбранным античным размером, гекзаметром. Похожее видим и в ещё одном стихотворении, где лирический герой обращается к *тян-ши*, сразу переводя это выражение на русский: ангел-хранитель, а определяющей темой оказывается обречение рыбы и приготовление пищи.

*Утром ловил карасей за забором в пруду,
шевели заводными глазами.*

*Будет теперь чем кормиться семейству и кошке голодной,
опухшей от каши.*

*Жарко, и ветер колобродит лениво по листьям моих
восхитительных яблонь.*

*Флюгер на палке бормочет едва и, стихая надолго,
не машет ушами*

Тихий и я у окошка сижу, полутёмный какой-то.

Гляжу в бездонное небо,

*Где пролагает мне путь между звёзд мой **тян-ши**, печальный
и ласковый ангел-хранитель.*

*Бабочек мирно считаю, порхающих с грядки на грядку,
и сны вспоминаю,*

*Где карасей я ловил, как сегодня, кому-то готовил
приятную пищу.*

(Кучерявкин 2018: 36)

Здесь соотнесенность «китайского» и «античного» еще яснее и проявляется, в частности, в выборе эпитета для финала: эпитет «приятный» — один из самых частотных в «Одиссее», переведенной Жуковским.

4. Заключение

Если в русской культуре прошлого, особенно в XIX веке, Китаю в целом нередко приписывались устойчивые и единые, преимущественно негативные характеристики (отсюда, например, слово «китайщина»), то в XX и тем более XXI веке Китай такими простыми определениями исчерпан быть не может (в цикле Кучерявкина есть и «кровавый» Янчжоу, и мирная и блаженная «китайская» деревня).

Обращение к китайской культуре становится существенной, органичной, неслучайной чертой русской литературы, характер этого обращения, функции «китайского» и образ Китая со временем меняются, причем эти изменения объясняются не только индивидуальными особенностями отдельных русских авторов, но и процессами, происходящими в русской литературе в целом, особенностями разных литературных школ.

Список литературы / References

- Бавильский Д. В словах, а не путем слов. Ольга Седакова отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского. Часть вторая [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 18 марта 2003. URL: <https://www.topos.ru/article/996> (дата обращения 07.11.2023). [Dmitrij Baviľ'skij. (2003, March 18) (2023, November 07) V slovah, a ne putem slov. Ol'ga Sedakova otvechaet na voprosy Dmitrija Baviľ'skogo. (In Words, not by Words. Olga Sedakova Answers Dmitry Baviľsky's Questions.), Part Two. *Topos: literary and philosophical magazine*. Retrieved from: <https://www.topos.ru/article/996>. (In Russian)].
- Гитович А. И. Избранное. Л.: Лениздат, 1978. [Gitovich, Aleksandr I. (1978) *Izbrannoe* (Selected Works). Leningrad: Lenizdat. (In Russian)].
- Жолковский А. К. Новый авангард — новая классика (Лосев, Седакова, Лимонов) // Авангард и идеология: русские примеры. Ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград: Издание филол. ф-та Белградского университета, 2009. С. 685–696. [Zholkovskij, Aleksandr K. (2009) *Novyj avangard — novaja klassika* (Losev, Sedakova, Limonov) (New Avant-garde — New Classics “Losev, Sedakova, Limonov”). In Ichin, Cornelia (ed. and compl.) *Avant-garde and Ideology: Russian Examples*. Belgrade: Publication of the Faculty of Philology, University of Belgrade, 685–696. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Китайское в новейшей русской поэзии: синхронная многомерность, идеограмма и взаимообогащение художественных элементов // Новое литературное обозрение. 2018а. № 6. С. 250–261. [Zejfert, Elena I. (2018a) *Kitajskoe v novejshej russkoj poezii: sinhronnaja mnogomernost', ideogramma i vzaimoobogashhenie hudozhestvennyh jelementov* (Chinese in the Newest Russian Poetry: Synchronous Multidimensionality, Ideogram and Mutual Enrichment of Artistic Elements). *New Literary Review*, 6, 250–261. (In Russian)].

- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на новейшую русскую поэзию (на материале лирики Н. Азаровой, А. Скидана, В. Аристов) // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая. Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2018b. С. 188–191. [Zejfert, Elena I. (2018b) Vlijanie kitajskoj kul'tury na novejšuju russkuju poeziju (na materiale liriki N. Azarovoj, A. Skidana, V. Aristova) (Influence of Chinese Culture on the Newest Russian Poetry: On the Material of Works N. Azarova, A. Skidan, V. Aristov' Works). In *Problemy poetiki i stikhovedeniya: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu KazNPU imeni Abaya* (Problems of Poetics and Verse Studies: Materials of VIII International Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Abay KazNPU). Almaty: «Ulağat», KazNPU, 188–191. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на художественное пространство в новейшей русской лирике (на материале поэзии Н. Азаровой и А. Скидана) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019a. № 2-2. С. 143–155. [Zejfert, Elena I. (2019a) Vlijanie kitajskoj kul'tury na hudozhestvennoe prostranstvo v novejshej russkoj lirike (na materiale poezii N. Azarovoj i A. Skidana) (Influence of Chinese Culture on Concepts of Space in the Newest Russian Poetry: On the Material of N. Azarova and A. Skidan' Works). *PSUH / RGGU Bulletin, Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2-2, 143–155. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Восток и Запад: влияние китайской культуры на новейшую русскую поэзию // Динамическая поэтика / поэтическая динамика. Сб. ст. к юбилею Д. М. Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, РГГУ, 2019b. С. 57–65. [Zejfert, Elena I. (2019b) Vostok i Zapad: vlijanie kitajskoj kul'tury na novejšuju russkuju poeziju (East and West: the Influence of Chinese Culture on Contemporary Russian Poetry). In *Dinamicheskaya poetika / poeticheskaya dinamika. Sb. st. k yubileyu D. M. Magomedovoy* (Dynamic Poetics / Poetic Dynamics. Collection of Articles for Dina M. Magomedova Anniversary). Moscow: IMLI RAN, Russian State University for the Humanities, 57–65. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на современную русскую поэзию (на материале поэзии Н. Звягинцева и А. Александрова) // Тю/ипология дискурсов. К 75-летию Валерия Игоревича Тюпы. М.: РГГУ, 2020. С. 471–479. [Zejfert, Elena I. (2020) Vlijanie kitajskoj kul'tury na sovremennuju russkuju poeziju (na materiale poezii N. Zvjaginceva i A. Aleksandrova) (Influence of Chinese Culture on Modern Russian Poetry: On the Material of N. Zvyagintsev and A. Aleksandrov' Works). In *Tyu/ipologiya diskursov. K 75-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy* (Tyu/ypology of Discourses. To the 75th Anniversary of Valery I. Tyupa). Moscow: Russian State University for the Humanities, 471–479. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Моделирование художественного пространства в новейшей русской лирике под влиянием китайской культуры // Литературные миры Востока и Запада. М.: Мозартика, 2021. С. 50–66. [Zejfert, Elena I. (2021) Modelirovanie khudozhestvennogo prostranstva v noveishei russkoj lirike pod vliianiem kitaiskoj kul'tury (Modelling of Space in the Latest Russian Poetry under the Influence of Chinese Culture). In *Literaturnyye miry Vostoka i Zapada* (Literary Worlds of East and West). Moscow: Mozartica Publ. (In Russian)].
- Китайский поэт золотого века Ли Бо: Пятьсот стихотворений / Пер. С. А. Торопцева. СПб.: Нестор-История, 2011. [Kitajskij poet zolotogo veka Li Bo: Pjat'sot stihotvorenij / Per. S. A. Toroptseva (Chinese Poet of the Golden Age Li Bo: Five Hundred Poems / Translated by S. A. Toroptsev). (2011) Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ. (In Russian)].

- Коваленко А. Г., Пороль П. В. Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. № 3. С. 529–536. [Kovalenko, Aleksandr G. & Porol', Polina V. (2021) Kitajskij tekst v stihotvorenii N. Gumileva (Chinese Text in N. Gumilev's Poems). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 3, 529–536. (In Russian)].
- Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб.: Борея-Арт, 2001. [Kucherjavkin, Vladimir. (2001) *Trenozhnik: Stihi, proza* (Tripod: Poems, Prose). Saint Petersburg: Borej-Art Publ. (In Russian)].
- Лю Чжицян, Ван Фэн. «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине»: о поэтическом творчестве Л. Е. Черкасского // Новое литературное обозрение. № 2. 2020. С. 335–343. [Liu Zhiqiang, Wang Feng. (2020) «Stihi o Prekrasnoj Dame i ob Odnom Gospodine»: o poeticheskom tvorchestve L. E. Cherkasskogo ("Poems about the Beautiful Lady and about One Lord": On the Poetic Work of L. E. Cherkassky). *New Literary Review*, 2, 335–343. (In Chinese)].
- Медведева Н. Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилёв, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. № 1. С. 53–72. [Medvedeva, Natalija G. (2008) *Obraz Kitaja v russkoj poeticheskoj tradicii* (N. Gumil'ov, O. Sedakova, I. Brodskij) (The Image of China in the Russian Poetic Tradition: N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky). *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 1, 53–72. (In Russian)].
- Мартынова Н. В., Слипецкая Д. Р. Исследование орнаментальных символов образа бабочки в традиционной культуре народов мира // The Scientific Heritage. 2021. № 58-3. С. 9–14. [Martynova, Natal'ja V. & Slipeckaja, Diana R. (2021) *Issledovanie ornamental'nyh simvolov obraza babochki v tradicionnoj kul'ture narodov mira* (Study of Ornamental Symbols of the Butterfly Image in the Traditional Culture of the Peoples of the World). *The Scientific Heritage*, 58 (3), 9–14. (In Russian)].
- Осьминина Е. А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 278–288. [Os'minina, Elena A. (2017) «Kitajskie stihi» Bal'monta i Brjusova: zaglavie i zhanr ("Chinese Poems" by Balmont and Bryusov: Title and Genre). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (777), 278–288. (In Russian)].
- Осьминина Е. А. Культура Китая в представлении русского футуризма (на примере антологии «Свирель Китая») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). С. 234–244. [Os'minina, Elena A. (2020) *Kul'tura Kitaja v predstavlenii russkogo futurizma (na primere antologii «Svirel' Kitaja»)* (Chinese Culture in the Representation of Russian Futurism: On the Example of the Anthology "The Flute of China"). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (835), 234–244. (In Russian)].
- Панина М. Е. Городской bestiарий в поэзии Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. № 4. С. 194–201. [Panina, Marija E. (2012) *Gorodskoj bestiarij v poezii Vladimira Kucherjavkina* (Urban Bestiary in the Poetry of Vladimir Kucheryavkin). *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Scholars*, 4, 194–201. (In Russian)].
- Седакова О. А. Китайское путешествие. М.: Грааль, 2001. [Sedakova, Ol'ga A. (2001) *Kitajskoe puteshestvie* (The Chinese Journey). Moscow: Grail Publ. (In Russian)].
- Хабибуллина М. Н. «Глаз открывая к востоку»: Китай в лирике Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 220–226.

- [Habibullina, Margarita N. (2013) "Glaz otkryvaja k vostoku": Kitaj v lirike Vladimira Kucherjavkina ("Opening the Eye to the East": China in the Poetry of Vladimir Kucheryavkin). *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Scholars*, 5, 220–226. (In Russian)].
- Хабибуллина М. Китай по-русски: образ ивы в цикле О. А. Седаковой «Китайское путешествие» // Молодой ученый. 2021. № 1. С. 107–114. [Habibullina, Margarita. (2021) Kitaj po-russki: obraz ivy v cikle O. A. Sedakovej "Kitajskoe puteshestvie" (China in Russian: The Image of Willow in Olga Sedakova's Cycle "The Chinese Journey"). *Young Scholar*, 1, 107–114. (In Russian)].
- Цзоу Синь. Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой // Litera. 2023. № 10. С. 258–268. [Zou Xin. (2023) Izobrazhenie Kitaja v russkoj poezii: «Kitajskoe puteshestvie» O. A. Sedakovej (The Portrayal of China in Russian Poetry: "The Chinese Journey" of Olga Sedakova). *Litera*, 10, 258–268. (In Russian)].
- Цзя Юннин. Образ реалий Китая в поэзии Арсения Несмелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 5. С. 28–33. [Jia, Yongning. (2019) Obraz realij Kitaja v poezii Arsenija Nesmelova (The Image of Chinese Things in the Poetry of Arseny Nesmelov). *Philology. Theory & Practice*, 5, 28–33. (In Russian)].
- Черныш Н. А. Путешествие Ольги Седаковой по «Книге перемен» // Ольга Седакова: Стихи. Смыслы. Прочтения. М.: НЛО, 2016. С. 401–434. [Chernysh, Natal'ja A. (2016) Puteshestvie Ol'gi Sedakovej po «Knige peremen» (Olga Sedakova's Journey through the "Book of Changes"). In *Ol'ga Sedakova: Stikhi. Smysly. Prochteniya* (Olga Sedakova: Poems. Meanings. Readings). Moscow: NLO, 401–434. (In Russian)].
- Zeifert, Elena I. (2019) Modelling of Art Space in Modern Russian Poetry Written under the Influence of Chinese Culture (In Poetry of Natalia Azarova, Alexander Skidan, Nikolay Zvyagintsev, and Alexey Alexandrov). In Azarova, Natalia, & Dreyzis, Yulia (eds.) *Parallel Processes in the Language of Modern and Contemporary Russian and Chinese Poetry*. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 212–235.
- 庞欢, “诗”“歌”中蝴蝶意象研究//桂林师范高等专科学校学报, 2015, 第二期. [Pang Huan. (2015) Exploring Images of Butterflies in Poetry and Songs. *Journal of Guilin University*, 2, 121–124. (In Chinese)].
- 钱穆, 《中国近三百年学术史》, 北京:商务印书馆, 1997. [Qian My. (1997) *History of Chinese Scholarship in the Last Three Hundred Years*. Beijing: Commercial Publishing House. (In Chinese)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Ду Фу. Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. М.: ОГИ, 2012. [Du Fu. Proekt Natalii Azarovej; per. s kit. (2012) (Du Fu. Project by Natalia Azarova; translated from Chinese). Moscow: OGI Publ. (In Russian)].
- Кучерявкин В. До Янджоу тысяча ли. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. [Kucherjavkin, Vladimir. (2018) *Do Janchzhou tysjacha li* (It's a Thousand Li to Yangzhou). Saint-Petersburg: Limbus Press. (In Russian)].